

Абукаева Любовь Алексеевна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИЙ АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА В ТЕКСТАХ
МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРОВ**

Статья посвящена исследованию вербального составляющего марийских заговоров и нацелена на выявление связей категорий адресата и адресанта текстов марийских языческих заговоров с содержанием и целевой установкой заговоров, а также их лингвистическими особенностями. Установлено, что категории адресанта и адресата оказывают непосредственное влияние на тональность текста заговора (просьба или приказ, угроза или обман), на выбор языковых средств, и, наоборот, эксплицитность/имплицитность этих категорий зависит от целевых установок текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.511.151

Филологические науки

Статья посвящена исследованию вербального составляющего марийских заговоров и нацелена на выявление связей категорий адресата и адресанта текстов марийских языческих заговоров с содержанием и целевой установкой заговоров, а также их лингвистическими особенностями. Установлено, что категории адресанта и адресата оказывают непосредственное влияние на тональность текста заговора (просьба или приказ, угроза или обман), на выбор языковых средств, и, наоборот, эксплицитность/имплицитность этих категорий зависит от целевых установок текста.

Ключевые слова и фразы: лингвофольклористика; марийский язык; заговор; вербальная составляющая заговора; адресант; адресат.

Абукаева Любовь Алексеевна, д. филол. н., доцент
Марийский государственный университет
sylne@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИЙ АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА В ТЕКСТАХ МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРОВ®

В то время как наблюдается не только угасание, но и исчезновение некоторых жанров фольклора, заговор сохраняет свое место в системе фольклорных жанров, продолжая оставаться частью духовной культуры народа. Более того, в настоящее время мы имеем возможность наблюдать функционирование этого жанра, его трансформацию под воздействием современных культурно-исторических процессов, происходящих в этнокультурном пространстве. Антропоцентрический подход при исследовании фольклорных текстов предполагает рассмотрение субъектного фактора. Изучение особенностей субъектной организации произведения позволит найти ответы на многие вопросы, связав текстовые категории, в нашем случае адресата и адресанта, с особенностями организации языковых средств, тональностью текста и др. Направленность на адресата – неотъемлемая предпосылка коммуникации вообще [3; 9; 10]. «Всякая речь столь же неизбежно имеет своего адресата, как и своего производителя, хотя бы этим адресатом был совершенно неведомый и невидный автору, своего рода умопостигаемый "читатель"» [5, с. 241-242]. Связь между структурой текста и его адресованностью признается как неоспоримый факт [1; 2; 3; 4; 6]. На сегодняшний день отечественными исследователями сделано многое для изучения адресата речевого общения. Однако в отношении адресата произведений устного народного поэтического творчества в работах лингвистов наблюдается существенный пробел.

Рассматривая вербальную составляющую заговора, мы ставим цель выявить взаимосвязи категорий адресата и адресанта текстов марийских языческих заговоров, соотнести эти категории с содержанием и целевой установкой заговоров. В работе рассматриваются лечебные, любовные заговоры и заговоры от порчи, записанные на территории Республики Марий Эл и Республики Башкортостан.

Общение посредством текста заговора имеет свои особенности. Заговоры нашептываются в присутствии заказчика достаточно редко, но и в этом случае различить смысл сказанного медиумом практически невозможно. Улавливается интонация сильного, уверенного в своих возможностях и способностях человека. Хотя в некоторых случаях заказчик участвует в проведении ритуала, выполняя действия по требованию медиума, но он не является собеседником в традиционном понимании. Несложные в исполнении, с незначительным количеством невербальных составляющих общепотребительные заговоры, которыми владеют многие, произносятся более отчетливо, поскольку они не признаются как некое сверхъестество. Тот, кто произносит заговор, имеет внутреннюю или внешнюю установку: заговорить болезнь, прогнать недуги, неудачу, отвести беду, приворожить и т.п. Когда речь идет о таком жанре фольклора, как заговор, следует иметь в виду, что это произведение устного творчества многих поколений, один из консервативных жанров, от точного воспроизведения которого, по мнению носителей этого жанра, зависит сила и действенность заговора.

Адресант и адресат являются соотносительными текстовыми категориями. Адресант марийских заговоров – лицо, совершающее ритуал, произносящее текст заговора, имплицитно или эксплицитно представленный в тексте заговора.

В случаях, когда заговаривающий сам выступает в качестве заказчика, адресант вербально выражается с помощью местоимений первого лица *мый 'я', ме 'мы'* и/или соответствующей глагольной формы: *77 пачаш мланде йымалне кўрен ожо. Локтызо пўрѐн ший чылвыр ден налын луктын, ший ѓртньерым ѓртнерлен, ший лушым кучен раскалтен колтен, тўнча йыр кум йыр савырнен толын, аул йыр кум йыр савырнен толын, 77 тўрлѓ калыкын ончылыжо модыктен шогыктен сагат-минут коклаште кертеш гын, тунам иже мыйын имньым локтен, овылен кертше – 'В подземелье в 77 этажей гнедая лошадь. Колдун, взяв серебряные цепи, серебряное седло, серебряной плетью ударив, забрав коня, трижды объехав свет, трижды объехав село, перед 77 народами за час-минуту сможет выехать, пусть только тогда сможет навести порчу на моего коня' [7]; *Кува локтызо, ўдыр локтызо, пўрѐн локтызо йыран ден йыраным, тўнжѓ ден тўнжым, мучаш ден мучашыжым ваш ушен, ваш конден, кандыра гай пўтырыктен, пуныктен кунам кертеш гын,**

тунам иже мемнан суртышко кышкен пурен кертше – ‘Баба-колдунья, девица-колдунья, мужик-колдун грядку с грядкой, начало с началом, конец с концом соединив, сплетя, как веревку, свить когда сможет, пусть только тогда сможет навести порчу на наш дом’ [Там же].

Небольшое количество текстов заговоров обнаруживает сведения об адресанте: *А кӧ тыйым конден? Мый тыйым ом пале! Мыйын нима уке. Чес уке. Пий уло – пурлеш, пырыс уло – удырлеш, мыйын нима уке! Ом-сашкем пурен от керт, мыйын омсам – име, от пуро – шуралта; кудывечем – име, тошкалын от керт; пӧртонын тошкалтышем – име, тошкалын от керт; пӧрт кӱвар – име, тошкалын от керт; пӧрт олымбал – име, шинчын от керт; тӧшакем – име, кӱпчыкем – име, возын-мален от керт. Мый декем пурен, мый денем шинчен, илен от керт, лек да кай!* – ‘А кто тебя принес? Я тебя не знаю. У меня ничего нет. Угощения нет. Собака есть – укусит, кошка есть – поцарапает, у меня ничего нет! В мои ворота войти не сможешь, мои ворота – игла, не войдешь – уколешься; мой двор – игла, ступить не сможешь; ступени крыльца моего – игла, ступить не сможешь; пол в доме – игла, ступить не сможешь; лавка в доме – игла, сесть не сможешь; моя перина – игла, подушка – игла, лечь не сможешь! Ты ко мне зайти, у меня сидеть, жить не сможешь, выходи и уходи!’ [8]. Такая характеристика является субъективной, вымышленной, гиперболизированной, поскольку направлена на достижение цели – обмануть, запутать, запугать заговариваемую болезнь, отослать ее к хозяину.

Адресат заговора выявляется с помощью комплекса признаков, которые вербализуются на различных уровнях языка. На лексическом уровне – это слова и метафорические выражения, на морфологическом – местоимения и личные формы глагола, на синтаксическом – вопросительные предложения.

Колдующий обращается к силам природы (например, *шымле шым тӱрлӧ мардеж* ‘семьдесят семь разных ветров’), духам и божествам, которые являются покровителями природных стихий (*тул ава* ‘мать огня’, *тул водыж* ‘дух огня’, *вӱд водыж* ‘дух воды’, *сурт водыж* ‘дух дома, домашнего очага’ и др.). Взывая к ним, адресант просит исполнить желаемое: вернуть порчу хозяину, отвести болезнь: *Тул ава, тул суксо, тый тале улат, тый писе улат. Писе шинчат дене, шикши пушет дене, кужу йылмет дене нулал колто кумда нурьши* – ‘Мать огня, ангел огня, ты смелая, ты быстрая. Острым глазом, дымным запахом, длинным языком слижи в широкое поле’ [Там же].

Если обращения адресованы болезням и недугам (опухоль, ревматизм, болезненный нарост и т.п.), то заговаривающий не церемонится с ними, и в качестве распространителей обращений часто выступают лексемы с отрицательно-оценочным значением: *шӱкшӱ* ‘старый, дряхлый’, *шакше* ‘противный’.

Обобщенно представленный адресат – это средоточие всего зла и всех болезней: *Чыла осал, кудо лийын вуйышто да ушышто, шӱмыштӧ да мозгырышто, йылме вожышто да ылыш корнышто, родимыч, локтыш да шинчавочмо, йора – чыла ойырен налам, эрыктем да мардеж да вӱд почеш ӧрдыжкӧ колтем. А кӧ тыйым конден? Мый тыйым ом пале!* – ‘Всё злое, что было в голове и в мыслях, в сердце и в теле, в корне языка и в языке, в жилах и на жизненном пути, родимец, порча и сглаз, болячки, – всё отделяю, вычищаю и посылаю прочь по ветру и по воде. А кто тебя принес? Я тебя не знаю’ [Там же]. В таких текстах в полной мере проявляется диалогичность текста заговора. Заговаривающий, вступая в диалог, проявляет себя как довольно смелый, решительный и уверенный в своих возможностях медиум: *Нигунам тодын-луктын от керт. Мый кертам. Мый айдемын онжо улам, чыла осалым сенем* – ‘Никогда ты сломить не сможешь. Я смогу. Я – владыка человека, все злое побеждаю’ [Там же].

Высшая степень обобщенности адресата прослеживается в текстах заговоров, которые призваны предотвратить нежелательные действия и носят, таким образом, профилактический характер. Мыслимый адресат таких текстов – это любой человек, который может осмелиться навести порчу. Вербально в тексте заговора он не обозначается. При изгнании порчи адресат в определенной степени находит конкретизацию в следующей словесной формуле: *локтызо ӱдыр, эрге, ӱдрамаш, пӧръеН* – ‘колдующая девушка, парень, женщина, мужчина’ или *кува локтызо, ӱдыр локтызо, пӧръеН локтызо* – ‘наводящий (-ая) порчу на женщину, девушку, мужчину’. Тем самым порче указывается «хозяин», к которому она должна вернуться.

Таким образом, категории адресанта и адресата оказывают непосредственное влияние на тональность текста заговора (просьба или приказ, угроза или обман), на выбор языковых средств, и, наоборот, эксплицитность/имплицитность этих категорий зависит от целевых установок текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 356-367.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 239 с.
5. Винокур Г. О. Я и ты в лирике Баратынского (из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 241-249.
6. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: одноязычная и межязыковая коммуникация: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993. 382 с.
7. Записи 1987 г. Л. А. Абукаевой от У. П. Пезаевой, 1915 г. р., д. Новоключево Мишкинского района БАССР (ныне Республика Башкортостан).
8. Записи 2011 г. Л. В. Пироговой от Е. Г. Ивановой, 1933 г.р., д. Семеево Ново-Торъяльского района Республики Марий Эл.
9. Славгородская Л. В. О функции адресата в научной прозе // Лингвистические особенности научного текста. М.: Наука, 1981. С. 93-102.
10. Солганик Г. Я. К проблеме типологии речи // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 70-79.

**LANGUAGE REPRESENTATION OF ADDRESSER'S
AND RECIPIENT'S CATEGORIES IN MARI CONSPIRACY TEXTS**

Abukaeva Lyubov' Alekseevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Mari State University
sylne@mail.ru

The author researches the verbal component of the Mari conspiracy, reveals the relation between recipient's and addresser's categories in the Mari pagan conspiracy texts with conspiracies content and purpose, as well as their linguistic peculiarities, and ascertains that recipient's and addresser's categories have a direct impact on conspiracy text tonality (request or order, threat or deception), the choice of language means, and vice versa, the explicitness/implicitness of these categories depends on the purposes of the text.

Key words and phrases: linguo-folkloristics; Mari language; conspiracy; conspiracy verbal component; addresser; recipient.

УДК 8; 81

Филологические науки

Современное исследование аспектуальной характеристики действия исходит из определения лексико-семантической категории глагола путем выявления лексико-грамматических классов глаголов, выражающих предельные и неопредельные действия. Классификация глаголов-предикатов по семантическим признакам на динамические и статические показывает особенности употребления глаголов в видовременных формах в разносистемных кумыкском и английском языках.

Ключевые слова и фразы: глагол; аспектуальность; лексико-семантические классы; предельность/непредельность; семантика; статичность/динамичность; длительность.

Айдиева Тахбина Ильмутдиновна, к. филол. н.
Дагестанский государственный университет
aidiyewa2005@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА И АСПЕКТУАЛЬНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ В КУМЫКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

Нашей задачей является обратить внимание на особенности реализации аспектуальных значений на уровне лексической семантики глагола. К концу 20 века аспектуальность представляется не только грамматической категорией, но и лексико-семантической, в которой глагол, обладающий лексико-грамматическими характеристиками, выступает как главный структурно-семантический узел предложения. Глаголы в английском языке выступают в различных видовых формах (*Continuous, Simple, Perfect, Perfect Continuous*), что в свою очередь демонстрирует аспектуальные категориальные значения (*длительность, кратность, завершенность* и т.д.). В кумыкском языке такие аспектуальные значения передаются аналитическими формами глагола. Грамматическим средством репрезентации аспектуально-темпоральных значений выступает показатель *тур-*.

Прагматические факторы взаимодействия лексических значений глаголов и грамматических средств способствуют формированию аспектуальной характеристики высказывания в английском языке. Лексико-семантическая категория глагола определяется на уровне предельности/непредельности глагола. Например, учитывается центральная роль категории предельности/непредельности в аспектуальном поле шведского языка [5].

Ю. С. Маслов разделяет глаголы на содержащие семантику неизменности и содержащие семантику произошедшего изменения [8]. Первые – это статичные глаголы, а вторые – динамичные.

В основе такого разделения лежит понятие предела, понимаемого как «значение полноты (исчерпанности) фиксируемого данным глаголом проявления действия во времени» [1, с. 125]. По классификации, предложенной проф. Г. Н. Воронцовой (1948), глаголы по видовой или видоподобной характеристике делятся на две группы: предельные (с содержанием внутреннего предела в их семантике) и неопредельные (без такого содержания) [3, с. 3].

Во всех классификациях по семантическим признакам глаголов для исследования аспектуальных значений за основу берется предельность/непредельность. Так, зарубежные и отечественные лингвисты З. Вендлер (1967), К. Хаман (1989), Т. Г. Акимова (1984), К. Тенни (1996), М. Олсен (1997) говорят о предельности/непредельности глаголов как о важнейшем компоненте всех семантико-аспектуальных классификаций глаголов. «Предельность обозначает способность какого-либо события иметь определенное, отчетливо выраженное, естественное завершение во времени» [13, р. 135; Цит. по: 10, с. 18]. З. Вендлер представляет следующую классификацию лексико-грамматических классов глаголов.